

УДК 903.022

doi: 10.17072/2219-3111-2017-1-63-73

«ТЕКСТИЛЬНАЯ» КЕРАМИКА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА АРДИНСКОМ ГОРОДИЩЕ

В. С. Патрушев

Марийский государственный университет, 424000, Респ. Марий Эл, Йошкар-Ола, Площадь Ленина, 1
valpatr92@gmail.com

Дана характеристика «текстильной» керамики начала эпохи железа из Ардинского городища у д. Сенюшкино Республики Марий Эл. Цель работы – показать место керамических комплексов данного памятника среди подобных памятников Среднего Поволжья и сопоставить с комплексами других регионов. Такая задача ставится впервые. Для достижения ее были использованы банк данных «текстильной» керамики и результаты вычислений критерия Стьюдента для широкого круга материалов памятников Среднего и Верхнего Поволжья и Волго-Очья. Городище появилось в раннеананьинское время, а в древнемарийский период были сооружены дополнительные укрепления. Нижний слой включал 1047 фрагментов керамики двух групп: гладкостенной посуды с примесью толченых раковин (525 экз. – 50,14%) и посуды с ниточно-рябчатой поверхностью и примесью песка в тесте (503 экз. – 48,04%), а 19 экз. (1,82%) сочетают черты обеих групп. Сравнение «текстильной» керамики Ардинского городища с материалами дьяковской «сетчатой» посуды Щербинского городища, поселений Среднего Поочья и Костромского Поволжья показывает наибольшую близость указанной керамики с керамикой последних. Методом АМС по нагару на фрагменте «текстильной» керамики получена дата – 2705±40 лет назад. Сопровождающий инвентарь (наконечники стрел, фрагменты форм для отливки бронзовых наконечников копья, тиглей и др.) не противоречит этой дате. Материалы раскопок Ардинского городища характеризуют своеобразную этнокультурную ситуацию, сложившуюся в средневолжском регионе благодаря сосуществованию восточного прикамского финно-пермского населения, использующего гладкостенную посуду, и финноязычных племен западно-го облика с «текстильной» керамикой.

Ключевые слова: Ардинское городище, «текстильная» керамика, начало эпохи железа, аналогии, датировка.

Племена эпохи бронзы и раннего железа с XXIV в до н.э. [Kriiska, Lavento, Peets, 2005, p. 3, 29] до IV в [Смирнов, 1974, с. 77–78], производящие так называемую текстильную керамику, сыграли огромную роль в формировании всех финноязычных народов [Patrushev, 2000, p. 110–111]. Исследования такой керамики (в русскоязычной литературе известной также как сетчатая, псевдо-сетчатая, ложнотекстильная, ниточно-рябчатая) позволяют говорить о существовании особой этнокультурной общности на территории протяженностью от берегов Нижней и Средней Волги на востоке до Восточной Швеции на западе и шириной более 700 км [Patrushev, 2000, fig. 24, 31].

На керамику под названием «сетчатая» впервые обратил внимание В.А. Городцов [Городцов, 1900, с. 26; 1914, с. 96–98]. К.Ф. Мейндер [Meinander, 1954, с. 156–159] указывал на существование племен особого культурного круга – производящих «текстильную» керамику, сопровождающуюся в эпоху железа бронзовыми орудиями – топорами-кельтами меларского типа. Истории изучения такой керамики автором данной статьи посвящена особая работа [Патрушев, 2016]. Большинство исследователей считают, что текстильные или сетчатые отпечатки на ней связаны с распространением своеобразных технологических приемов изготовления глиняной посуды, позволяющих уплотнить глиняную массу.

В Среднем Поволжье корни «текстильной» керамики эпохи раннего железа уходят в керамику эпохи бронзы. А.Х. Халиков отмечал, что в эпоху развитой бронзы «текстильная» керамика сопровождает керамику приказанского облика от балымско-карташихинского до маклашеевского этапов и составлял примерно половину всей керамики поселений [Халиков, 1969, с. 240 и след.]. В настоящее время можно говорить о появлении смешанных комплексов «текстильной» керамики с луговскими и атабаевскими комплексами прикамской керамики [Лыганов, 2014, с. 599–602]. На территории Республики Марий Эл обнаружено 32 поселения эпохи бронзы с «текстильной» керамикой, где она достигает 42% [Патрушев, 1989, с. 26–27; Соловьев, 2000, с. 83–92].

В начале эпохи раннего железа на территорию населения, пользующегося «текстильной» керамикой и посудой прикамского облика, проникают новые группы прикамского населения ананьинской культурно-исторической общности. Эталонным памятником этого времени в Марийском Поволжье является Ардинское городище, расположенное в 17 км от Старшего Ахмыловского могильника и имеющее близкие с ним черты материальной культуры [Патрушев, 1989, с. 61].

Памятник исследовался совместной экспедицией Марийского государственного университета и Марийского научно-исследовательского института (Архипов, Патрушев, 1976).

Городище расположено в 300 м к юго-востоку от д. Сенюшкино Килемарского района Республики Марий Эл и занимает мыс длиной 58 м, выступающий с запада на восток от коренной террасы речки Арды, левого притока р. Волги. Ширина заросшей лесом площадки 28–30 м. Площадь около 1600 кв. м. Высота площадки от уровня поймы речки 17–18 м. (рис. 1). С напольной стороны имеется дугообразный вал высотой около 2 м от прилегающей части площадки городища и 3,5 м от дна рва. Вал расплывчатый, а ров несколько заплывший. Вал и ров имеют ширину около 10–11 м.

Два раскопа на площадке городища и траншея шириной 2 м, перерезавшая вал и ров и расширенная за рвом (раскоп III), вскрыли площадь в 620 кв. м (рис. 1; раскоп I – 148 кв. м, II – 392, III – 32, траншея – 48).

Памятник двухслойный [Архипов, Патрушев, 1976, рис. 7–12]. Судя по стратиграфическому изучению профилей разреза вала и рва, укрепленное городище с одним валом и рвом появилось в раннеананьинское время, а в древнемарийский период были сооружены дополнительные укрепления [Архипов, Патрушев, 1982, рис. 4–5]. Нижний слой в виде светло-серой гуммированной супеси мощностью от 10 до 75 см по склону площадки вклинивается в южных квадратах раскопа II. Материал этого слоя включает многочисленные фрагменты керамики раннеананьинского времени с примесью толченых раковин и посуды с ниточно-рябчатой поверхностью, в основном с примесью песка, кости животных, обломки орудий. На крайних западных участках по покатому склону площадки городища культурный слой представлен серой подзолистой супесью или более темной гуммированной супесью (5–28 см).

Судя по стратиграфическим наблюдениям, в древнемарийский период площадка городища разравнивалась, и культурный слой раннеананьинского времени оказался по краю площадки городища или же по его склонам (Архипов, Патрушев, 1976, рис. 5–8). В юго-западной части раскопа II наиболее мощный культурный слой выявлен по склону площадки городища. Под дерном и подперновым серым подзолом (8–10 см) находились слой темно-серой супеси (40–75 см), иногда прослойки зольных включений (10–40 см) и слой гуммированного темного песка мощностью 10–50 см. Находки главным образом раннеананьинского времени (кроме единичных фрагментов в западной части древнемарийской керамики на глубине 15–22 см) обнаружены во всех указанных слоях, но наиболее многочисленные – в нетронутых в древнемарийский период зольных пятнах и нижней части слоя темной супеси (Архипов, Патрушев, 1982, рис. 9–12).

К раннеананьинскому времени относится 1047 фрагментов посуды (коллекции Археологического музея Марийского государственного университета, шифр АГ/75). По фактуре теста и обработке поверхности все находки делятся на три группы.

Сосуды первой группы изготовлены из глины с примесью толченых раковин и имеют заглаженную поверхность (рис. 2; 525 фрагментов — 50,14%). Характеристика данной группы посуды дана автором в предыдущих публикациях [Архипов, Патрушев, 1982; Патрушев, 1971, гл. 2; 1984, с. 175–177]. По всем признакам данная группа наряду с посудой синхронных поселений Марийского Поволжья близка к керамике прикамского облика ананьинской культурно-исторической общности [Халиков, 1962, с. 148–151; Патрушев, 1971, гл. 2; 1984, с. 175–177].

Ко второй группе относятся сосуды с «текстильными» отпечатками на внешней поверхности и примесью песка или дресвы в тесте (503 фрагмента – 48,92%; рис. 4-6, 7, 1, 3–6, 8). Третью группу образуют сосуды, сочетающие черты двух первых групп, т.е. изготовленные из глины с примесью толченых раковин и имеющие «текстильные» отпечатки или же содержащие в тесте примесь песка, но орнаментированные характерными для первой группы узорами (19 экз. – 1,84%; рис. 13, 2, 7).

Такие же группы выделены в керамических комплексах раннеананьинского времени на ряде поселений Марийского Поволжья – Копаньском, Сиухинском, Токаревском и Малахайских селище и городище [Халиков, 1962, с. 142 и след.; Патрушев, 1971, гл. 2]. Оговоримся, что на поселениях Марийского Поволжья в группе прикамской керамики шнуровая и гребенчато-шнуровая посуда

стратиграфически не выделяется, хотя это обычное явление в Татарском Поволжье и устьевых районах р. Камы [Марков, 1997].

По сравнению с керамикой прикамского облика черепки плотные и прочные, хорошего обжига. Толщина стенок обычно колеблется от 4 до 7 мм. По венчикам (48 экз.) и одному округлому днищу в группе «текстильной» керамики выделено 49 сосудов. Посуда в основном с примесью песка в тесте (44 экз.). Четыре фрагмента содержали в глине примесь толченых раковин, а 1 – мелкий кварцит. В основном сосуды небольшие, диаметром горла от 13 до 20 см (26 экз.). Пятнадцать сосудов диаметром горла от 21 до 25 см. Лишь у 4 сосудов диаметр горла колеблется от 26 до 29 см.

Наиболее многочисленны сосуды с закрытым горлом, плавно переходящим в слабо выпуклое тулово (39 экз.). Пять сосудов имеют прямое горло, плавно переходящее в тулово. Два сосуда с отогнутым горлом, более резко переходящим в слабо выпуклое тулово. Лишь 1 сосуд имеет форму открытой чаши. Края венчиков в преобладающем большинстве случаев округлые (30 экз.), реже они имеют прямой срез (2 экз.). У 7 фрагментов у края венчиков есть наплыв с внешней стороны, у 3 – приотстренная форма и у 3 – валикообразная. Края венчиков, кроме 4 фрагментов, орнаментированы оттисками зубчатого штампа или, реже, нарезками. В обоих случаях они имеют вид коротких косых линий. В 4 случаях края венчиков покрывают «текстильные» отпечатки.

Орнамент сосудов, нанесенный обычно по горлу, не отличается разнообразием и довольно прост (рис. 3–7). Это горизонтальные в один или два ряда «неправильные» (с рваными краями) ямки (20 экз.), круглые ямки (10 экз.), реже – беспорядочно расположенные по горлу и верхней части тулова клиновидные ямки (2 экз.). В 4 случаях встретилось сочетание горизонтальных рядов круглых (вверху) и «неправильных» (внизу) ямок и между ними тройной ряд зигзагов из коротких оттисков зубчатого штампа. На 2 фрагментах узор включает горизонтальные оттиски шнура в сочетании с косыми короткими оттисками зубчатого штампа или горизонтальными рядами клиновидных вдавлений.

В орнаментации стенок сосудов также преобладают узоры из ямок. В целом распространение вариантов орнамента сосудов (согласно инструментария исследований такой керамики) [Патрушев, 1989, рис.16, прил. 1, п. 8] на фрагментарном уровне представлено в процентах от общего числа орнаментированных сосудов следующим образом: варианты 1–8 (узоры из «неправильных» ямок, чаще с рваными краями) – 71,01%; варианты 9–17 (обычно из круглых ямок) – 21,3, варианты 18–24 (основной узор – жемчужины, в одном случае в сочетании с рядом круглых ямок и двумя рядами косых оттисков зубчатого штампа, в другом – в сочетании с круглыми ямками) – 0,59, варианты 25–33 (клиновидные или треугольные вдавления) – 1,77; варианты 43–50 (узоры из горизонтальных рядов в виде зигзага или косых оттисков зубчатого штампа) – 0,59, варианты 51–64 (узоры из оттисков зубчатого штампа в сочетании с различными ямками или жемчужинами) – 2,97, варианты 74–90 (сочетание оттисков шнура с разными ямками и оттисками зубчатого штампа) – 1,77 [Патрушев, 1989, рис.16, прил. 1, п. 8]. Варианты 34–42, 65–73 на Ардинском городище отсутствуют. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие многозонных узоров, в которых сочетаются различных элементы, подобно орнаментации «текстильной» керамики на памятниках эпохи раннего железа Костромского Поволжья [Патрушев, 1989, табл. 5].

На внешней поверхности 34 из 49 сосудов имеются рябчатые («сетчатые») отпечатки, 9 – ниточные (собственно текстильные) и 6 – хаотично расположенные ниточные в сочетании с рябчатыми отпечатками. С целью более полной характеристики отпечатков на поверхности сосудов считаем целесообразным привлечь весь комплекс «текстильной» керамики Ардинского поселения, т.е. проанализировать ее на фрагментарном уровне, как это принято при характеристике многочисленных комплексов [Патрушев, 1989].

По технологическим особенностям «текстильные» оттиски могут быть двух типов, выделенных Б.А. Фоломеевым [1975, с. 154–165] при характеристике керамики поселения Тюков городок. Автором данной работы значительно расширены варианты отпечатков.

Тип I – ниточные отпечатки (144 экз. – 28,6% от общего числа «текстильной» керамики). Выделены следующие варианты их: 1) ниточные хаотичные (108 экз.), 2) ниточные параллельные редкие (7), 3) ниточные параллельные, близко расположенные (8), 4) ниточные прерывистые (5), 5) ниточные, нанесенные намотанной на палочку веревочкой (7), 6) сочетание хаотичных и параллельных редких ниточных (5), 7) сочетание хаотичных и параллельных близко расположенных ни-

точных (1), 8) сочетание ниточных хаотичных и нанесенных намотанной на палочку веревочкой (9).

Тип II – с рябчатой поверхностью (359 экз. – 71,3%). Б.А. Фоломеевым в данном типе выделено четыре варианта отпечатков. Однако характер отпечатков на сосудах Ардинского городища заставляет несколько дополнить его типологию. Без изменения могут быть оставлены лишь варианты 2–4 (в классификации автора варианты 9–11). Мелкие подквадратные рябчатые отгиски (по Б.А. Фоломееву 1 вариант) в наших материалах отсутствуют.

Остальные варианты отпечатков на посуде «текстильной» керамики Ардинского городища (согласно инструментарию исследований текстильной керамики) [Патрушев, 1989, прил. 1, с. 89–90, п. 7] следующие: 9) рябчатые изогнутые дуговидные ячейки (15 экз.), ряды круглых, в одном случае клиновидных, а в другом – беспорядочно расположенных в верхней части круглых ямок; 10) рябчатые овальные ячейки (41), 10 сосудов украшены ямками; 11) рябчатые клиновидные ячейки, напоминающие скорее всего ямки, образованные при сглаживании прямоугольных вдавлений (4), 12) рябчатые линзевидные ячейки (рябчатые отгиски, имитирующие параллельные ряды веревочек, но нанесенные, скорее всего, ударами колотушек, возможно, по рубцовой коже, и наполовину заглаженные (43). Такие же следы можно наблюдать на фрагменте сосуда из городища Графская гора [Бобринский, 1978, рис. 80, 1]. Шесть фрагментов данного варианта украшены круглыми (5) или клиновидными ямками; 13) рябчатые прямоугольные и ромбические ячейки (22); 14) рябчатые бороздки с неровными краями (2); 15) рябчатые отпечатки в виде наколов срезанным пучком травы (22); 16) рябчатые в виде «дождя» (34); 17) рябчатые дуговидные и овальные ячейки (9); 18) рябчатые дуговидные и клиновидные ячейки (1); 19 – 22 варианты на памятнике отсутствуют; 23) бороздки и овальные ячейки (1); 24) «дождь» поверх дуговидных ячеек (5); 25) «дождь» и бороздки (2); 26) ниточные хаотичные и рябчатые клиновидные отпечатки (11); 27) ниточные хаотичные и рябчатые треугольные отпечатки (1); 28) ниточные хаотичные и рябчатые в виде «дождя» (53); 29) ниточные хаотичные и рябчатые овальные (15); 30) ниточные хаотичные отпечатки и бороздки (10); 31) штрихи в виде мелких параллельных линий в сочетании с ниточными хаотичными отпечатками (1). Данный фрагмент, не характерный для районов к востоку от Средней Волги, имеет в тесте примесь органических остатков и украшен рядом ямок.

Отметим также 2 гладкостенных сосуда с примесью песка в тесте без орнамента.

По структуре, обработке поверхности, форме и орнаментации вся указанная посуда имеет аналоги в «сетчатой» керамике дяковской культуры. Для сравнения обратимся к материалам нижнего слоя Щербинского городища [Розенфельдт, 1974, с. 90–197].

Прежде всего сходство керамики наблюдается в характерных приемах нанесения «сетки». На посуде Щербинского городища фрагменты «сетчатой» керамики составляют 33% от общего числа их в нижнем слое (VIII–VII–IV вв. до н. э.) [Розенфельдт, 1974, с. 183, табл. 2]. Остальные находки отнесены к штрихованной, гладкостенной и рогожной керамике, а также к посуде с лощеной или подлощенной поверхностью. Для обработки поверхности в VIII–VI вв. до н. э. характерны отпечатки в виде оттисков шнура с разным наклоном нитей. Сосуды с такой обработкой поверхности на Ардинском городище составляют 16,65%. Следует оговориться, что четкие ровные отгиски тонких веревочек параллельными рядами на значительной площади сосудов вряд ли могли получиться в случае использования мягкой ткани [Розенфельдт, 1974, с. 152]; возможно, это следы ударов колотушки или прокатывания палки с намотанными на нее веревочками. На керамике Щербинского городища, в ранних горизонтах, незначительное место занимают «рябчатые» отпечатки. Они преобладают на сосудах Ардинского поселения (83,35%). На последнем, напомним, найден всего 1 фрагмент штрихованной керамики, а в материалах нижнего горизонта первого слоя Щербинского городища такая посуда вместе с гладкостенной западного облика составляет 46,4% от всей керамики [Розенфельдт, 1974, табл. 3].

Отмеченная близость «текстильной» посуды двух поселений, очевидно, результат ее развития от общей родственной основы – населения с текстильной керамикой. Однако под влиянием разного окружения на разных территориях появляются новые черты посуды. Об этом свидетельствует и сравнение форм: сосуды Щербинского городища плоскодонные, Ардинского, за единственным исключением, круглодонные. В орнаментации «сетчатой» керамики западных областей господствует гребенчатый штамп (81%); на Ардинском городище такой орнамент в чистом виде встретился на 1 фрагменте (0,59%). Следует отметить также большой процент (92,31) посуды с ямчатым

орнаментом (вместе «неправильные» и круглые ямки) на Ардинском городище; на Щербинском городище такая керамика составляет всего 9% [Розенфельдт, 1974, табл. 2].

Еще в большей мере «текстильная» керамика Ардинского городища отличается от посуды городецких поселений, где преобладают плоскодонные сосуды с «рогожной» обработкой поверхности [Смирнов, Трубникова, 1965, табл. 6–8]. Глубокие прямоугольные отпечатки, близкие к рогожным, но нанесенные зубчатым штампом, встретились всего на 2 фрагментах посуды Ардинского городища.

Ардинская «текстильная» керамика имеет больше общих черт с керамикой эпохи бронзы – начала железного века в бассейне Средней Оки (Тюков городок, Фефелов Бор I и др.) [Фоломеев, 1975, с. 157 и след.], чем с синхронными комплексами дьяковского и городецкого облика [Патрушев, 1984, с. 183].

Таким образом, ни дьяковская, ни городецкая «сетчатая» посуда не могла быть основой для «текстильной» керамики Марийского Поволжья. Гораздо ближе к ним в этом отношении керамические комплексы поселений Костромского Поволжья. Интерес представляет сопоставление «текстильной» керамики Марийского Поволжья и комплексов поселений Костромского Поволжья (Борань, Станок II, Шунга, Ватажка) [Патрушев, 1989, табл. 4–6, с. 62–63]. Близость их проявляется как в обработке поверхности [Патрушев, 1989а, рис. 68, 1, 3, 6–11, 14; Гурина, 1963, рис. 12, 15; 32, 10, 20; 39, 11, 14, 18; 41, 6; 48, 15], так и в орнаментации [Патрушев, 1989а, рис. 68, 1, 7–9, 14, 15; Гурина, 1963, рис. 13, 12–14, 1; 32, 5; 52, 4, 6] и в какой-то мере в форме сосудов [Гурина, 1963, рис. 45, 47]. Однако следует отметить некоторые расхождения в датах сравниваемых комплексов. Правда, даты поселений Костромского Поволжья, очевидно, требуют некоторой корректировки. Так, Ватажка датирована серединой – концом I тыс. до н.э. или даже началом первых двух веков нашей эры [Гурина, 1963, с. 85 и сл.]. Хотя вряд ли в целом единые керамические комплексы следует датировать так широко. А форма кельта, отлитого в найденной на данном поселении литейной форме [Гурина, 1963, рис. 57], не может относиться ко времени позже конца VI вв. до н.э., так как данный тип изделий в это время полностью исчезает. По форме кельт близок к поздним кельтам Старшего Ахмыловского могильника [Патрушев, 1984, рис. 36, 37, 42].

Датировка комплексов «текстильной» керамики Ардинского городища облегчается благодаря исследованиям в лаборатории датирования Университета Хельсинки под руководством профессора Хогне Юнгнера образцов нагара, взятых профессором этого же университета Микой Лавенто в Археологическом музее Марийского государственного университета. Методом акселерационной масс-спектрометрии (АМС) получена дата -2705 ± 40 лет назад [Лавенто, Патрушев, 2015, табл. 1].

Такая датировка не противоречит датам сопровождающего инвентаря. В нижнем слое Ардинского городища вместе с керамикой раннеананьинского времени найдены характерные для Старшего Ахмыловского могильника Марийского Поволжья VIII – VI вв. до н.э. предметы: оселки (рис. 7,9,11); железный нож с дуговидной спинкой (рис. 7, 7), в классификации автора аналогичный типу А IV 2 и датированный VII в. до н.э. [Патрушев, 1984, с. 100, рис. 49], кремневый черешковый наконечник стрелы с подтреугольным пером (рис. 7,8), в схеме развития отнесенный к началу VII в. до н.э. [Патрушев, 1984, с. 89, рис. 42, IV]; костяной наконечник стрелы треугольной формы (рис. 7,3). Обнаружены также фрагмент литейной формы для получения полосок дуговидной в сечении формы (рис. 7,13) и неизвестного массивного предмета (возможно, это часть нижней части пера бронзового наконечника копья; рис. 7,12). Отсюда же происходят фрагменты глиняных тиглей (рис. 8,4–6), по форме близкие к находкам из погребений 429 и 683, датированные первой стадией развития могильника: концом VIII – первой половиной VII в. до н.э. [Патрушев, 1984, рис. 34, 6,8; с. 212, 213]; фрагмент лопатки животного с вырезанными знаками (тамгой ?) в виде двойных ломаных линий (рис. 7,10); фрагменты медной пронизки с резными узорами из треугольников (рис. 7,1) фрагмент пластины с расплюснутым концом (возможно, конец гривны; рис. 7,2).

Особый интерес представляют крупные обломки каменной литейной формы для отливки бронзовых наконечников (рис. 8), аналогичных изделиям Старшего Ахмыловского могильника. По форме и елочным узорам наконечник на литейной форме наиболее близок к находке из погребения 125 указанного могильника, отнесенного ко второй стадии развития на основе исследования взаимовстречаемости находок погребальных комплексов: второй половине VII – началу VI в. до н.э. [Патрушев, 1984, с. 129–130, 214, рис. 14. II А3, табл. XI, прил. 2]. Данная датировка не противоречит и датам близких по форме наконечников в южных регионах [Патрушев, 1984, рис. 53, Б, III]. А

форма бронзового наконечника аналогичной формы, только без узоров, на Северном Кавказе уже встречается в комплексах IX – первой половины VII в. до н.э. (Николаевский могильник) [Тере-ножкин, 1976, с. 144, 195, рис. 84, 20].

В связи с пересмотром хронологии начала эпохи железа в Волго-Камье комплексы с подобными наконечниками могут быть датированы более ранним временем. В частности, только отсутствием узоров отличается наконечник из погребения 97 могильника Мурзихинский II, датированного по радиоуглеродному методу временем 2830 ± 40 лет назад [Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107, рис. 1, 10]. С.В. Кузьминых и А.А. Чижевский подобный наконечник относят к первому этапу раннего периода ананьинской культурно-исторической общности: IX – середине VIII в. до н.э. [Там же, с. 107]. Однако более приемлемой нам представляется дата, полученная на основе изучения нагара на фрагменте «текстильной» керамики и не противоречащая датировке комплексов Старшего Ахмылова, близких к формам находок на Ардинском городище.

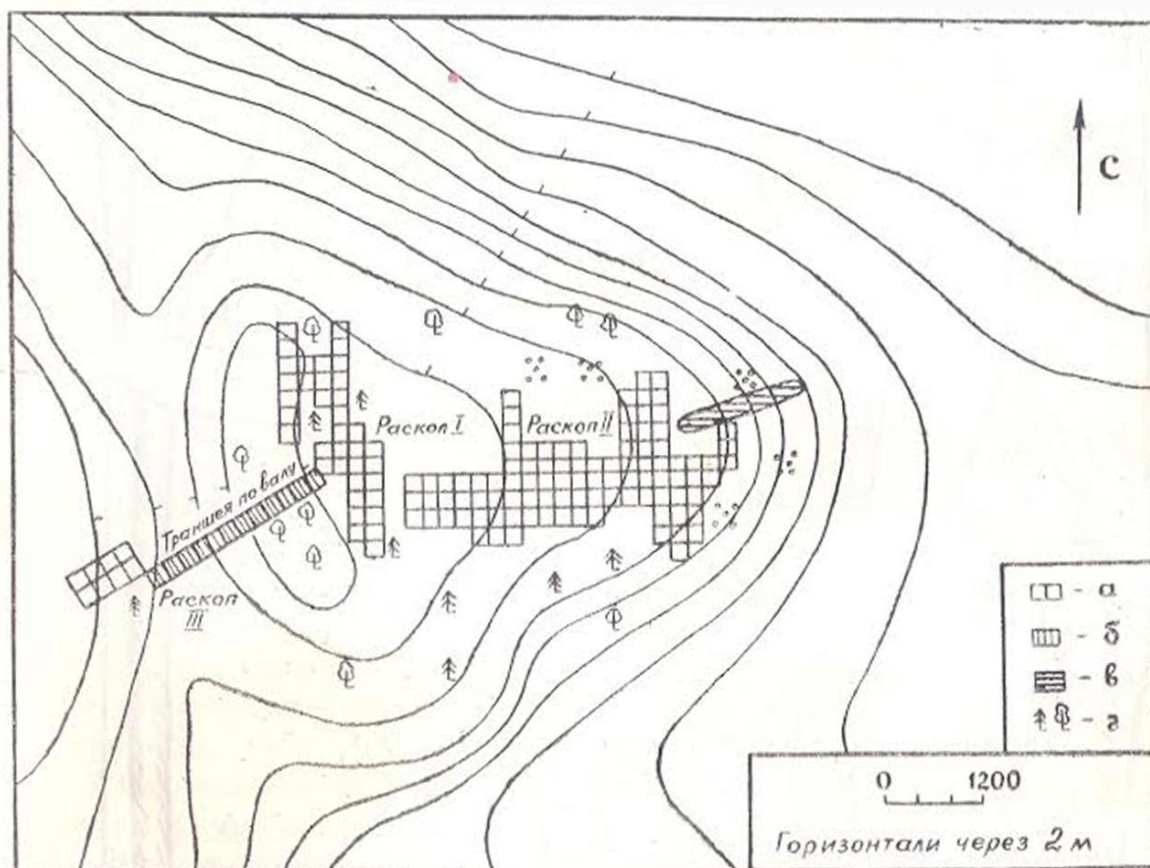

Рис. 1. План Ардинского городища: а – раскопки, б – траншея, в – поздняя яма, г – деревья

«Текстильная» керамика Ардинского городища имеет аналоги в комплексах такой посуды не только в эпоху раннего железа Марийского Поволжья, но и в эпоху бронзы. Судя по результатам применения критерия Стьюдента с целью установления сходства и различия археологических материалов по сумме признаков (форма, поверхность, орнамент), комплексы Ардинского городища ближе всего к «текстильной» посуде Кокшайского поселения 4 в Марийском Поволжье (расчетное значение 0,02 при табличном значении 1, 99) [Патрушев, 1989, табл. 6]. По обработке поверхности расчетное значение двух указанных памятников составляет 0,74. По форме и орнаментации они также близки к посуде с «текстильными» отпечатками других поселений эпохи бронзы в марийском крае – Ахмыловского, Сосновой Гривы, Сосновой Гривы 3 и Базы Отдыха 2 [Патрушев, 1989, с. 67–73, табл. 6].

Таким образом, материалы раскопок Ардинского городища позволяют характеризовать своеобразную этнокультурную ситуацию, сложившуюся в средневожском регионе с начала эпохи бронзы до н.э. до начала эпохи с XIV в. до н.э. до VIII в. железа благодаря сосуществованию прикамского населения и племен, производящих «текстильную» керамику.

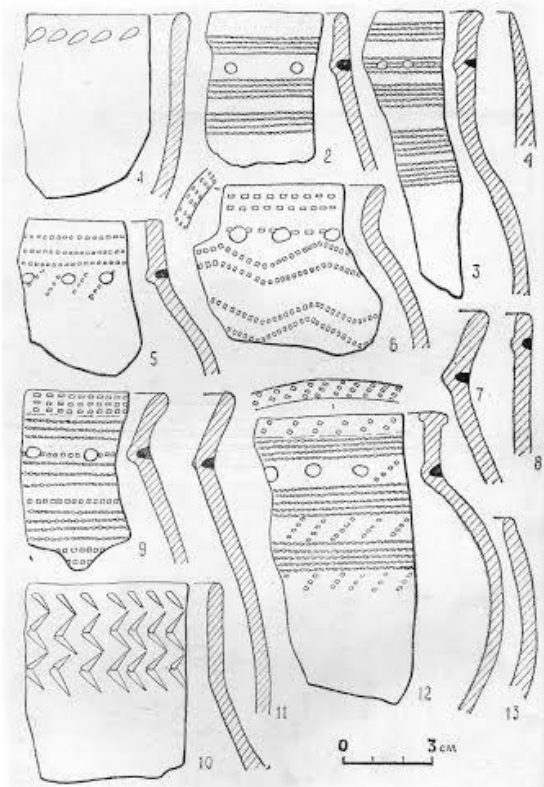

Рис. 2. Ардинское городище. Керамика ананьинской культурно-исторической общности из нижнего слоя раскопа II (шифр АГ-75; по кн. [Патрушев, 1984, рис. 66])

Рис. 3. Ардинское городище. «Текстильная» керамика из нижнего слоя с шифрами: 1 – АГ-75/15, 2 – АГ-75/10, 3 – АГ-75/48, 4 – АГ-75/362, 5 – АГ-75/120, 6 – АГ-75/412, 7 – АГ-75/118.8 – АГ-75/417

Рис. 4. Ардинское городище. Ананьинская (2) и «текстильная» керамика из нижнего слоя с шифрами: 1 – АГ-75/75, 2 – АГ-75/814, 3 – АГ-75/402, 4 – АГ-75/163, 5 – АГ-75/74, 6 – АГ-75/119, 7 – АГ-75/317, 8 – АГ-75/364, 9 – АГ-75/363

Рис. 5. Ардинское городище. «Текстильная» керамика из нижнего слоя с шифрами: 1 – АГ-75/178, 2 – АГ-75/68, 3 – АГ-75/73, 4 – АГ-75/185, 5 – АГ-75/306, 6 – АГ-75/76, 7 – АГ-75/266.

Рис. 6. Ардинское городище. «Текстильная» (1, 3–6, 8) и смешанная (2, 7) керамика из нижнего слоя с шифрами: 1 – АГ-75/330, 2 – АГ-75/252, 3 – АГ-75/249, 4 – АГ-75/24, 5 – АГ-75/432, 6 – АГ-75/270, 7 – АГ-75/67, 8 – АГ-75/358

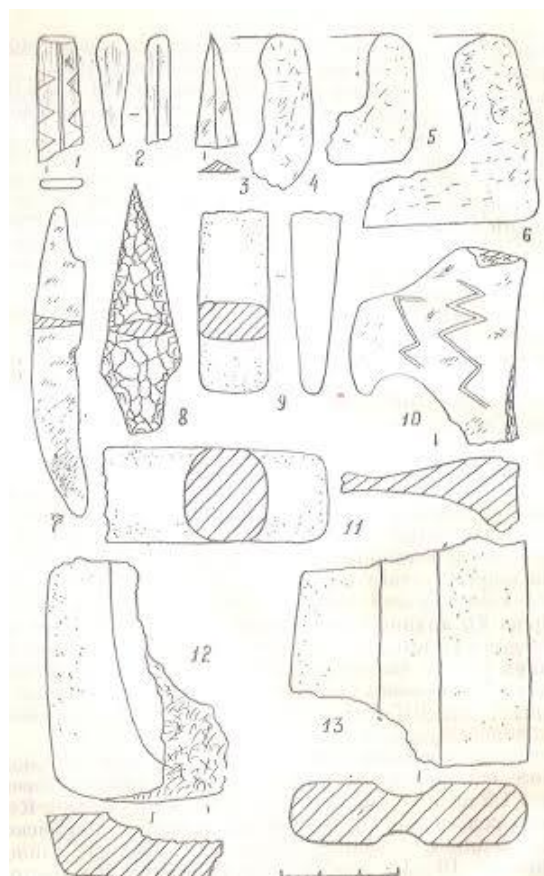

Рис. 7. Ардинское городище. Бронзовые (1–2), костяные (3, 10), глиняные (4–6, 12), железное (7) и каменные (8–9, 11, 13) изделия из нижнего слоя

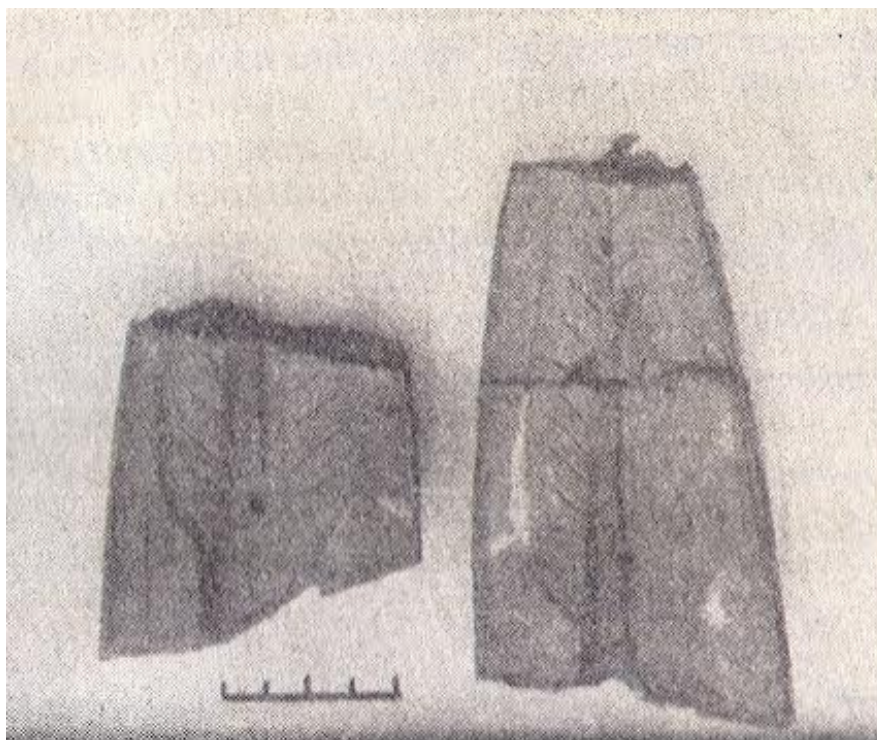

Рис. 8. Ардинское городище. Фрагменты каменной литейной формы из нижнего слоя раскопа II

Библиографический список

- Архипов Г.А., Патрушев В.С.* Отчет о раскопках Ардинского городища в 1975 г. // Архив ИА РАН,Р – 1, № 5866. Йошкар-Ола, 1976.
- Архипов Г.А., Патрушев В.С.* Ардинское городище // Археология и этнография марийского края. Йошкар-Ола: Марийское книж. изд-во, 1982. Вып. 6. С. 53–62.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 275 с.
- Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине реки Оки в 1897 г. // Древности. М., 1900. Т. 17. С.26.
- Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Рос. ист. музея за 1914 г. М., 1914. С. 6–129.
- Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. М.: Наука, 1963. № 110. С. 85–204.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. Казань: Фэн, 2014. № 3 (9). С. 104–137.
- Лавенто М., Патрушев В.* Развитие и хронология текстильной керамики в Среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые С14-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2015. № 2. С. 160–188.
- Лыганов А.В.* К проблеме выделения культур первой фазы позднего бронзового века Волго-Камья // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 599–602.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) // Археология евразийских степей. Казань, 2007. Вып. 4. 136 с.
- Патрушев В.С.* Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.): Дис. ... канд. ист. наук. - Казань. 1971. 222 с.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1984. 231 с.
- Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. 124 с.
- Патрушев В.С.* Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. № 3. Казань. С. 194–224.
- Розенфельдт И.Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 90–197.
- Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура // САИ. М.: Наука, 1965. Вып. Д – 1-14. 97 с.
- Смирнов К.А.* Дьяковская культура. Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974. С. 70–87.
- Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья // Труды МАЭ. Йошкар-Ола: Изд-во Марийского гос. ун-та, 2000. Т. 6. 264 с.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 196 с.
- Фоломеев Б.А.* Тюков городок // СА. М., 1975. № 1. С. 154–170.
- Халиков А.Х.* Очерки истории населения марийского края в эпоху раннего железа // Труды Марийской археол. экспедиции. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1962. Т. 2. С. 7–187.
- Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
- Kriiska A., Lavento M., Peets J.* New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation // Estonian Journal of Archaeology. Tartu, 2005. Vol. 9, N 1. P. 3–31.
- Meinander C. F.* Die Bronzezeit Finnlands // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki, 1954. N 54. P.156–159.
- Patrushev V.* The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia // Studia archaeologica Fenno-Ugrica. 1. Oulu: Sokietas Historiae Finno-Ugricae, 2000. 239 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 07.07.2016

TEXTILE CERAMICS OF THE EARLY IRON AGE IN THE ARDINO SETTLEMENT

V. S. Patrushev

Mari State University, Lenin square, 1, 424000, Yoshkar-Ola, Rep. Mari El, Russia
valpatr92@gmail.com

The paper presents the characteristic of textile ceramics at the beginning of the Iron Age in the Ardino settlement, located in Mari El Republic near the Senyushkin village on the Arda river bank (of the Volga left tributary). The Ardino settlement with the area of 620 sq.m. was studied by the joint science expedition of Mari State University and Mari Scientific Research Institute. The Ardino settlement had dual layer. It was founded during the Early Ananino period, and there are a lot of fortifications built in the ancient Mari period. The down layer that included a light-gray rubberized sandy loam from 10 to 75 cm contained of fragments of smooth-walled ceramic of the Early Ananino period with a mixture of crushed shells (525 items - 51.07%). It also included utensils with thread-ripple surface with sand or wood in the test (503 items - 48.92%), and the ceramic vessels, that combine the features of the first two groups (19 items - 1.84%). Textile ceramics was usually poorly shaped, with a round bottom. The ornament of vessels' neck consisted of horizontal rows of different pits, sometimes «prints stamp gear» or «cord line» in combination. There are a lot of similarities between the Ardino settlement' textile ceramic materials and the settlements of the Kostroma Volga area, the Middle Oka region and the Dyakovo "grid" dishes of the Scherbinsky settlement. According to the results of the use of the AMC date method, the "textile" fragments were produced 2705±40 years ago. The accompanying equipment (arrow heads, fragments of molds for casting bronze spearhead, crucibles, etc.), similar to the equipment of the Old Akhmylovo burial, does not contradict the received date.

Key words: Ardino settlement, textile ceramics, the Early Iron Age, analogy, date methods.

References

- Arhipov, G.A. Patrushev, V.S. (1982), "The Ardino settlement", in *Arkheologia i etnografia Mariyskogo kraya* [Mari area Archaeology and Ethnography], Vol. 6, Mariyskoe knizhnoe izd-vo, Yoshkar-Ola, Russia, pp. 53-62.
- Arhipov, G.A. Patrushev, V.S. (w.d.), "Report on the excavations at settlement Arda in 1975", in *Arhiv IA RAN* [Archive IA RAN], R-1, № 5866.
- Bobrinskiy, A.A. (1978), *Goncharstvo Vostochnoy Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study], Nauka, Moscow, Russia, 275 p.
- Folomeev, B.A. (1975), "The Tyukov township", *Sovetskaya arkheologiya*, № 1, pp. 154-170.
- Gorodtsov, V.A. (1900), "The report on the archaeological investigations in the Oka river valley in 1897", in *Drevnosti* [Ancientries], Moscow, Russia, Vol. XVII, 26 p.
- Gorodtsov, V.A. (1914), "Cultures of the Bronze Age in the Middle Russia", in *Otchet Rossiyskogo istoricheskogo muzeya za 1914 g.* [Report of Russian historical museum for 1914], Moscow, Russia, pp. 6-129.
- Gurina, N.N. (1963), "The sites of the Bronze Age and Early Iron Age in the Kostroma Volga river region (according to the materials of Gor'ki expedition)", in *Materialy i issledovaniya po arkheologii* [Materials and research on archaeology], Nauka, Moscow, Russia, № 110, pp. 85-204.
- Khalikov, A.Kh. (1962), "Essays on the history of the population of the Mari Region in the Iron Age", in *Trudy MAE. Vol. II.* [Materials of Mari archaeological expedition. T. II.], Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo, Yoshkar-Ola, Russia, 196 p.
- Khalikov, A.Kh. (1969), *Drevnyaya istoriya Srednego Povolzh'ya* [The ancient history of the Middle Volga region], Nauka, Moscow, Russia, 394 p.
- Kriiska, A., Lavento, M., Peets, J. (2005), "New AMS-dates of the Neolithic and Bronze Age Ceramics in Estonia: preliminary results and interpretation", in *Estonian Journal of Archaeology*, Vol. 9, № 1, Tartu, pp. 3-31.
- Lavento, M., Patrushev, V.S. (2015), "Appearance and chronology of textile ceramics in the Middle Volga region. Critical comparison of conventional 14C-, AMC- and typological chronologies", *Povolzhskaya archeologiya*, № 2, pp. 160-188.
- Lyganov, A.V. (2014), "About the problem of extracting the first phase of the Late Bronze Age in the Volga-Kama Region", in *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo syezda v Kazani* [Materials of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan], I, Otechestvo, Kazan, Russia, pp. 599-602.
- Meinander, C. F. (1954), "Die Bronzezeit Finnlands", in *Suomen Muinaismuistokdistuksen Aikakauskirja*, № 54, Helsinki, pp. 156-159.

- Patrushev, V. (2000), "The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia", in *Studia archaeologica Fenno-Ugrica*, 1, Oulu, 239 p.
- Patrushev, V.S. (1984), *Mariyskiy kray v VII-VI vv do n.e.* [Mari region in 7-6 centuries B.C.], Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo, Yoshkar-Ola, Russia, 231 p.
- Patrushev, V.S. (1989), *U istokov volzhskih finnov* [At the origins of the Volga Finns], Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo, Yoshkar-Ola, Russia, 124 p.
- Patrushev, V.S. (2016), "Archaeological sites with "textile" ceramics: results and outlooks of researches", *Povolzhskaya archeologiya*, № 2, pp. 194-224.
- Rozenfel'dt, I.G. (1974), "Ceramics of the Dyakovo culture", in *Dyyakovskaya kul'tura* [The Dyakovo culture], Nauka, Moscow, Russia, pp. 90-197.
- Smirnov, K.A. (1974), "The Dyakovo culture. Material culture of the hill-forts in the Volga and Oka inter-fluve area", in *Dyyakovskaya kul'tura* [The Dyakovo culture], Nauka, Moscow, Russia, pp. 77-87.
- Solov'ev, B.S. (2000), "Bronze Age of the Mari Volga region", in *Trudy MAE. Vol. VI* [Materials of Mari archaeological expedition. T. VI], Izd-vo Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta, Yoshkar-Ola, Russia, 264 p.